

ОГЛАВЛЕНИЕ

КНИГА ТРЕТЬЯ	ГЛАВА	1. «Элита»	11
		2. Рассвет и квартира	20
		3. Манускрипт	28
		4. Вечеринка	38
		5. Рима	50
		6. Рты	57
		7. Институт	69
		8. Доктора	80
		9. Дракон	95
		10. Взрывы	110
		11. Пицца и оракул	127
 ПРОЛОГ , где повествуется о том, как финансовый гений, перед которым раскрывается начальный, не чуждый чувственного восприятия, период его жизни, производит на свет ничто и делает его оракулом			139
КНИГА ПЕРВАЯ	ГЛАВА	12. Война начинается	155
		13. Хостел	166
		14. Бен-Руа	174
		15. Норма	185
		16. Нижние миры	197
		17. Ключ	211
		18. Природа	223
		19. Миссис Тоу исчезает	239
		20. Работодатели	255
	 ИНТЕРЛЮДИЯ , призванная напомнить нам то, что мы, того и гляди, забудем: что история Тоу существует в оболочке истории Ланарка		

КНИГА ВТОРАЯ	ГЛАВА 21. Дерево	279
	22. Кеннет Макалпин	299
	23. Встречи	316
	24. Марджори Лейдло	335
	25. Разрыв	347
	26. Хаос	365
	27. Книга Бытия	380
	28. Работа	395
	29. Выход	417
	30. Капитуляция	435
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ	ГЛАВА 31. Нэн	443
	32. Кулуары совета	451
	33. Зона	465
	34. Перекрестки	480
	35. Собор	493
	36. Дом капитула	505
	37. Появляется Александр	519
	38. Большой Унтанк	534
	39. Развод	562
	40. Прован	578
ЭПИЛОГ , с примечаниями Сидни Уоркмена и списком распыленных и вложенных плагиатов		591
	ГЛАВА 41. Кульминация	619
	42. Катастрофа	642
	43. Объяснение	659
	44. Конец	673
ПРИЛОЖЕНИЕ . Как выросла «Ланарк»		689

PROVIDENTIA

FAMA BONA

FAMA MALA

КНИГА

MAGISTRA VITAE

ТРЕТЬЯ

TESTIS

EXPERIENTIA

LUX
VERITAS

VERITAS

VITA
MEMORAE

1614

MORS

OBLIVIO

1979

ГЛАВА 1. «Элита»

Ход в кафе «Элита» вел через лестницу из фойе кинотеатра. Одолев две ее трети, посетители попадали на площадку, где находилась дверь в сам кинотеатр, но клиенты «Элиты» следовали дальше, туда, где их ждала обширная, неопрятная на вид комната, заставленная стульями и низенькими кофейными столиками. Комната казалась грязной не потому, что там было не убрано, а из-за освещения. Пол был застелен малиновым ковром, обивка мебели была алой, завитки лепного узора на потолке — розовыми, но в свете тускло-зеленых бра все эти цвета превращались в оттенки коричневого, а лица посетителей делались серыми, как у мертвецов. Вход был расположен в углу, напротив находилась стойка из хрома и пластика, позади нее, за сверкающими ручками кофейного автомата, улыбался лысый толстяк. Одетый в черные брюки и белую рубашку с черным галстуком-бабочкой, он казался немым или необычно молчаливым. Он не произносил ни слова; посетители обращались к нему только за чашкой кофе или сигаретами, а в промежутках он сохранял такую неподвижность, что можно было подумать, будто стойка является его продолжением, вроде кольца при Сатурне. Дверца у бара вела на узенький балкон над входом кинотеатра. Там едва хватало места для трех столиков с металлической столешницей и опорой для зонта в середине. Никто не пил там кофе, потому что небо часто хмурилось, немилосердно задувал ветер, а то и лил дождь. Поверхность стола была в лужицах, повисшая мокрая ткань зонта хлопала об опору, сиденья были сырые, и все же тут сживал обычно человек лет эдак двадцати четырех, закутанный в черный плащ с поднятым воротником. Он то взглядывал

недоуменно на обложенное небо, то задумчиво покусывал сустав большого пальца. Других желающих обосноваться на балконе не находилось.

Когда «Элита» бывала заполнена, тут слышалось множество языков и диалектов. Посетители были молодые люди до тридцати, и рассаживались они кликами по пятеро-шестеро. Клики существовали политические, религиозные, артистические, гомосексуальные, криминальные. В одних обсуждался спорт, в других — автомобили, в третьих — джаз. Иные имели главу; центром самой большой был Сладден. Его клика располагалась обычно на софе у балконной двери. Соседняя включала в себя прежних членов сладденовской клики, по их собственным утверждениям, ею пресытившихся, согласно же Сладдену, изгнанных из ее рядов. Клики не любили одна другую, не особенно ценили и кафе. Нередко посетители, выпив кофе, ставили чашку со словами: «Что за чертова дыра эта „Элита“. Не пойму, чего ради мы сюда таскаемся. Кофе дрянной, освещение ни к черту, вокруг одни педерасты, шпана и евреи. Давайте выберем себе какое-нибудь другое место». И кто-нибудь отзывался: «Другого места нет. Чайная Галлоуэя — чересчур буржуазное заведение. Бизнесмены, стойки для зонтиков, оленьи головы. В „Шангри-ла“* оглушительно орет музыкальный автомат, полно мордворотов. Армстронгу там надавали по физиономии. Есть, конечно, пабы, но нельзя же все время наливать пиво. Нет, пусть здесь чертова дыра, но лучшего места у нас нет. Центр города, кино под боком. Не сидеть же все время дома, хочется иной раз и развлекаться».

Кафе часто бывало переполнено и никогда не оставалось совсем без посетителей, хотя был случай, когда оно почти полностью опустело. Человек в черном плаще зашел с балкона в помещение и не застал там никого, кроме официанта и Сладдена, сидевшего на той же софе, что и обычно. Клиент повесил плащ на крючок и заказал кофе. Отвернувшись от стойки, он поймал на себе любопытный взгляд Сладдена. Тот спросил:

— Ну как, Ланарк, нашел?

* Утопия в романе Дж. Хилтона «Потерянный горизонт». (Здесь и далее, кроме эпизода, примеч. перев.)

— Что нашел? О чем ты?

— То самое, что искал на балконе. Или ты просто стараешься держаться подальше от нас? Просвети меня. Мне любопытно.

— Откуда ты знаешь мое имя?

— Не я один, а все мы. Его выкрикивают в службе обеспечения, а мы частенько стоим там в очереди. Садись.

Сладден похлопал по софе. Ланарк немного поколебался, потом поставил кофе и сел. Сладден продолжил:

— Скажи, зачем тебе сдался балкон.

— Я ищу дневной свет.

Сладден сморщился, словно от горечи.

— Время года для этого не самое подходящее.

— Ошибаешься. Недавно я заметил дневной свет, считал до четырехсот и более, а он все длился. Часто бывает и дольше. Ничего, что я об этом рассказываю?

— Продолжай! Многие бы не поняли, но я и сам любил выдумывать. Ты тоже пытаешься что-то выдумать, и мне это интересно. Давай говори, что взбредет на ум.

Ланарку одновременно и нравился, и не нравился этот разговор. Как человек одинокий, он ценил возможность пообщаться, однако снисходительный тон отталкивал его. Он бросил холодно:

— Да нечего особенно говорить.

— А почему ты любишь дневной свет? Здесь хватает и обычного освещения.

— С его помощью я могу измерять время. Я насчитал тридцать дней, с тех пор как я здесь. Может, пропустил несколько, пока спал или пил кофе. Но когда нужно что-нибудь вспомнить, я говорю: «Это случилось два дня назад», или десять, или двадцать. От этого возникает чувство упорядоченности жизни.

— А как ты проводишь... проводишь дни?

— Гуляю, посещаю библиотеки и кино. Когда кончаются деньги, захожу в службу обеспечения. Но по большей части наблюдаю за небом с балкона.

— Ты счастлив?

— Нет, но я доволен. Можно жить и куда хуже.

Сладден рассмеялся:

— Не приходится удивляться твоей нездоровой заикленности на дневном свете. За то время, пока ты здесь находишься, можно было посетить десяток вечеринок, переспать с десятком

женщин и десяток раз напиться, а ты отслеживал, как проходят один за другим тридцать дней. Вместо того чтобы превратить жизнь в сплошной праздник, ты крошишь ее на дни и принимаешь их регулярно, как пилюли.

Ланарк бросил на Сладдена косой взгляд:

- А твоя жизнь — сплошной праздник?
- Я наслаждаюсь. А ты?
- Нет. Но я доволен.
- Почему ты доволен такой малостью?
- Чего мне еще ждать?

Клиенты все прибывали, и кафе почти заполнилось. Сладден сделался легкомысленней, чем в начале беседы. Он сказал бесечно:

— Жить стоит ради живых, волнующих мгновений, когда чувствуешь подъем, безграничную власть. Они даются нам с помощью наркотиков, преступлений, азартных игр, но цена уж очень высока. Другой способ — увлечения: к примеру, спорт, музыка или религия. Есть у тебя увлечения?

— Нет.

— Еще источники — работа и любовь. Работа — это не кидание угля лопатой и не уроки в школе. Я говорю о работе, которая обеспечивает человеку видное место в обществе. А любовь — это не брак и не дружба. Я имею в виду свободную любовь, которая заканчивается, когда нет больше пылких чувств. Возможно, тебя удивило, что работу и любовь я отнес к одной и той же категории, но и то и другое — это искусство управления людьми.

Ланарк задумался. Мысль Сладдена казалась логичной. Внезапно он спросил:

- Какой работой я мог бы заняться?
- Ты бывал в чайной Галлоуэя?
- Да.
- С кем-нибудь там разговаривал?
- Нет.

— Тогда бизнес тебе не по плечу. Боюсь, придется заняться искусством. Это все, что остается тем, кто непригоден к другой работе, но желает быть на виду.

— Искусство не для меня. Мне нечего поведать людям.

Сладден рассмеялся:

— Ты не понял ни слова из того, что я сказал.

Ланарк был слишком сдержан, чтобы выдать сильную обиду или гнев. Он сжал губы и нахмурился над кофейной чашкой. Сладден продолжил:

— Художник или артист ничего не говорит людям. Он выражает себя. Если он неординарная личность, его произведения удивляют или волнуют публику. В любом случае с помощью искусства он проталкивает свою индивидуальность. Вот накопец и Гэй. Не подвинешься ли, чтобы ей хватило места?

Лавируя между обсаженных народом столиков, к ним приближалась худая хорошенькая девушка с усталым лицом. Она робко улыбнулась Ланарку, села рядом со Сладденом и произнесла взволнованно:

— Я не опоздала? Раньше мне...

— Мне пришлось ждать, — холодно буркнул Сладден.

— Ох, прости, ради бога прости. Раньше мне было никак не выйти. Я не думала...

— Принеси сигареты.

Ланарк растерянно смотрел в стол. Когда Гэй отошла к стойке, он спросил:

— А что ты делаешь?

— То есть?

— Занимаешься бизнесом? Или искусством?

— Я на редкость искусно бездельничаю.

Ланарк стал искать в лице Сладдена хотя бы след улыбки. Тот добавил:

— Работа — это способ навязать себя другим. Мне же для этого ничего делать не нужно. Я не хвастаюсь. Просто так получилось.

— Похвальная скромность, однако ты не прав, утверждая, будто ничего не делаешь. Ты очень хорошо умеешь говорить.

Сладден улыбнулся и взял сигарету, протянутую Гэй, которая кротко вернулась к нему.

— Я не часто бываю так откровенен; большинству мои идеи не по уму. Но мне кажется, я могу тебе помочь. Ты знаком с кем-нибудь из здешних женщин?

— Ни с кем.

— Я тебя познакомлю. — Сладден обернулся к Гэй и, легонько ущипнув ее за мочку уха, спросил благосклонно: — Кого бы ему дать? Фрэнки?

Гэй рассмеялась, и вид у нее тут же сделался счастливым.

— Нет-нет, Сладден, Фрэнки крикливая и вульгарная, а Ланарк из тех, кто занят своими мыслями. Только не Фрэнки.

— Тогда как насчет Нэн? Она тихая и любит изображать послушную девочку.

— Но Нэн по уши влюблена в тебя!

— В том-то и беда. Надоело: стоит тебе коснуться моей колленки, и глядь — она уже рыдает в углу. Отдадим ее Ланарку. Или нет. Я придумал кое-что получше. Я возьму Нэн, а Ланарк — тебя. Как насчет такого варианта?

Гэй наклонилась к Сладдену и изящно коснулась губами его щеки.

— Нет, — сказал он. — Мы дадим ему Риму.

Гэй нахмурилась:

— Не люблю Риму. Она хитрая.

— Не хитрая. Замкнутая.

— Но к ней неравнодушен Тоул. Они держатся парой.

— Это ничего не значит. Он привязан к ней, как к сестре, а она к нему — как к брату. Просто кровосмешение какое-то. Кроме того, она его презирает. Отдадим ее Ланарку.

— Вы очень добры, — с улыбкой проговорил Ланарк.

Где-то он слышал, что Гэй и Сладден помолвлены. Меховая перчатка на левой руке Гэй мешала разглядеть, надето ли на ней кольцо, но держались они со Сладденем на публике как близкие люди. Прежде Ланарк невольно робел рядом со Сладденем, но в присутствии Гэй успокоился. Что бы там ни говорили о «свободной любви», Сладден относился к этому чувству серьезнее, чем было принято в «Элите».

Из кино прибыла клика Сладдена. Фрэнки оказалась живой толстушкой в голубой узкой юбке и с прической из пучков голубых волос. Нэн, маленькая, робкая и нечесаная, выглядела лет на шестнадцать. Рима была интересная, но некрасивая; ее черные волосы были забраны назад и связаны на затылке в конский хвост. У Тоула, приятного юноши, невысокого и тощего, проби- валась на лице остроконечная рыжая борода. Был еще большой

и плотный парень по фамилии Макпейк, в форме первого лейтенанта. Пока они рассаживались вокруг, Сладден не удостоил их и взгляда, а, обнимая Гэй за талию, продолжал беседовать с Ланарком. Из всей компании одна лишь Фрэнки обратила на Ланарка внимание. Она стояла, расставив ноги и уперев руки в бедра, а когда Сладден умолк, заявила громко:

— Это человек-загадка! К нам присоединился человек-загадка! — Выпятив живот, она спросила: — Что ты думаешь о моем брюхе, человек-загадка?

— Ну, вероятно, оно выполняет свои функции.

Сладден улыбнулся краешком рта, остальные подняли брови.

— О, да он шутки шутит! — удивилась Фрэнки. — Бог ты мой. Сяду к нему поближе, пусть Макпейк ревнует.

Усевшись рядом с Ланарком, она положила руку ему на бедро. Он постарался скрыть свою растерянность, но все же выглядел смущенным. Фрэнки воскликнула:

— Бог мой! Он напрягся, прямо как... гм. Лучше мне промолчать. Расслабься, сынок, ну же. Нет, не может. Рима, давай поменяемся местами. Мне все же хочется к Макпейку. Он толстый, но он хотя бы поддается.

Они с Римой поменялись местами. Ланарк был и рад, и обижен.

Вокруг завязались разговоры, но Ланарку не хватило смелости присоединиться. Рима предложила ему сигарету.

— Спасибо. Твоя подруга навеселе?

— Фрэнки? Нет, она всегда такая. Не то чтобы мы были подруги. Ты из-за нее расстроился?

— Да.

— Привыкнешь. Она забавная, если не принимать ее выходки близко к сердцу.

Рима бормотала странным монотонным голосом, как будто ни одно слово не заслуживало того, чтобы сделать на нем ударение. Ланарк скосил взгляд на ее профиль. Он увидел блестящие черные волосы, оставлявшие свободным широкий лоб, безукоризненный разрез больших глаз, слегка обрисованный тушью, ровный длинный нос, узкие прямые губы без помады, небольшой решительный подбородок, аккуратный маленький бюст под черным свитером. Если Рима заметила взгляд Ланарка, то не выдала

этого, а только откинула назад голову и выдохнула через ноздри дым. Заметив в ней сходство с маленькой девочкой, которая подражает курящей женщине, он ощутил неожиданный прилив нежности.

— О чем был фильм?

— О людях, которые почти сразу разоблачились и принялись выделывать все, что им взбрело в голову.

— Тебе нравятся такие фильмы?

— Нет, но скуки не вызывают. А у тебя?

— Я ни одного не видел.

— Почему?

— Боюсь, что мне понравится.

— А мне такие нравятся, — вмешался Сладден. — Нет ничего приятней, чем воображать, как исполнители ролей будут выглядеть во фланелевом белье и толстых твидовых юбках.

— Мне тоже нравятся, — подхватила Нэн. — Кроме самых пикантных кусков. Ничего не могу с собой поделать: закрываю глаза. Правда, глупо?

— А у меня от них одна досада, — сказала Фрэнки. — Надеюсь увидеть какое-нибудь по-настоящему удивительное извращение, но таких, наверное, не бывает.

Принялись обсуждать, как могло бы выглядеть удивительное извращение. Фрэнки, Тоул и Макпейк высказывали идеи. Гэй и Нэн вскрикивали от ужаса и веселья. Сладден вставлял иногда замечание, а Ланарк и Рима молчали. Ланарка смущала тема разговора, и он думал, что Рима тоже недовольна. Это сближало его с нею.

Потом Сладден шепнул что-то на ухо Гэй и встал.

— Мы с Гэй уходим, — объявил он. — Увидимся позже.

Нэн, беспокойно сверлившая его взглядом, внезапно скрестила руки на коленях и спрятала в них лицо. Тоул, который сидел рядом, ласково обнял ее за плечи, изобразил печально-сочувственную гримасу и ухмыльнулся компании. Сладден взглянул на Ланарка и произнес мимоходом:

— Подумаешь над моими словами?

— Да. Тут есть над чем поразмыслить.

— Обсудим позже. Пошли, Гэй.

Огибая заполненные столики, они удалились. Фрэнки насмешливо заметила:

— Похоже, Тоул, придворный фаворит теперь не ты, а человек-загадка. Хотела бы я ошибаться. А то ведь придется тебе взяться за старое ремесло придворного шута. А Рима никогда не спит с придворными шутами.

Не выпуская из рук трясущегося плеча Нэн, Тоул ухмыльнулся и произнес:

— Заткнись, Фрэнки. Это ты придворная шутиха и всегда ею будешь. — Извиняющимся тоном он бросил Ланарку: — Не обращай на нее внимания.

Рима взяла с соседнего сиденья свою сумочку и сказала:

— Ну я пошла.

Ланарк попросил:

— погоди секунду, я тоже собираюсь на выход.

Обойдя столик, он надел пальто. Остальные попрощались, а Фрэнки крикнула в спину Ланарку и Рима:

— Счастливо развлекся!

ГЛАВА 2. Рассвет и квартира

В нижнем фойе было пусто, если не считать девушки за кассой. Через стеклянные двери Ланарку были видны огни фонарей, отраженные в лужах. Временами дверь уступала особенно сильному порыву ветра и внутрь со свистом проникал сквозняк. Рима вынула из сумочки пластиковый дождевик. Ланарк помог ей одеться и спросил:

- Где останавливается твой трамвай?
- На перекрестке.
- Отлично. Мой тоже.

Снаружи им пришлось сражаться с ветром. Ланарк взял Риму за руку и, желая ощутить, что тащит ее, с усилием рванулся вперед. Перекресток располагался неподалеку, рядом с трамвайной остановкой был вход во двор. Беззвучно смеясь, они шагнули туда, чтобы укрыться от ветра. Волосы Римы, выскользнувшие из пружек, двумя водопадами струились вдоль ее спокойного лица; большие глаза смотрели на Ланарка. Она пальцами зачесала волосы назад, морщась и повторяя: «Мешают, сил нет».

- Мне нравится такая прическа.

Они постояли молча у противоположных стен, выглядывая на улицу. Наконец Ланарк откашлялся.

- Ну и паршивка эта Фрэнки.

Рима улыбнулась.

- Она безобразно обращалась с Тоулом.

- Видишь ли, она была на взводе.

- Почему?

— У нее к Сладдену те же чувства, что и у Нэн. Когда Сладден и Гэй уходят парой, Нэн начинает рыдать, а Фрэнки грубить.

Сладден объясняет это тем, что у Нэн это негативное, а у Фрэнки — позитивное.

— Бог мой! Неужели все приятельницы Сладдена в него влюблены?

— Я — нет.

— Рад это слышать. О, гляди! Гляди!

— На что?

— Гляди!

Перекресток был местом, где сходились несколько широких улиц, и Ланарку с Римой были видны две из них, хотя даль окутывала стгутившаяся тьма. Приблизительно в миле, на вершине большого плоского холма, обе улицы упирались в жемчужно-серый небосклон. Большая часть неба оставалась черной, бледное зарево не добралось еще до крыш домов, и можно было подумать, что в концах двух улиц занимают два отдельных дня. Рима повторила:

— На что глядеть?

— Видишь? Видишь это... как же оно называется? Когда-то это обозначалось специальным словом...

Рима проследила, куда указывал его палец, и спросила холодно:

— Ты говоришь об этом зареве?

— Рассвет. Вот как это называлось. Рассвет.

— Довольно сентиментальное слово, не так ли? Он уже блекнет.

Ветер стих. Ланарк ступил на тротуар и, наклонившись, стал попеременно вглядываться в конец то одной, то другой улицы, словно собирался прыгнуть, но еще не решил куда. Рима не разделяла его волнения, и потому он на миг выбросил ее из головы. С легкой неприязнью она произнесла:

— Не знала, что ты неравнодушен к таким предметам. — И добавила, помолчав: — Ладно, мой трамвай.

Миновав Ланарку, она вышла на дорогу. По шпалам пригромыхал древний-предревний, почти совсем пустой трамвай и остановился, заслонив Ланарку вид. Это был его трамвай. Рима вошла в вагон. Ланарк шагнул за ней, потом, заколебавшись, произнес:

— Слушай, мы ведь еще увидимся?

Когда трамвай тронулся с места, Рима небрежно махнула с площадки. Надеясь, что она обернется и махнет снова, Ланарк следил, как она поднялась наверх и села. Она не обернулась. Ланарк взглянул в конец одной улицы, потом другой. Тусклый размытый свет заметно померк. Внезапно Ланарк кинулся на середину самой широкой улицы и пустился бегом.

Он бежал, не отрывая взгляда от горизонта и смутно надеясь, что, если достигнуть его, пока свет окончательно не погаснет, день продлится дольше. Поднялся ветер. Порывы подталкивали Ланарка в спину, и бежать было проще, чем идти. С тех пор как Ланарк прибыл в этот город, он не знал более захватывающего занятия, чем гонки с ветром к блекнувшему рассвету. Когда небо окончательно почернело, он остановился, перевел дыхание и поплелся на перекресток ждать трамвая.

Следующий трамвай повез его по одинаковым улицам с рядами многоквартирных домов. У остановки, где он вышел, дом стоял лишь с одной стороны, а с другой тянулась сплошная фабричная стена. Через двор он добрался до плохо освещенной лестницы, достиг верхней площадки и тихонько вошел в прихожую своей квартиры. Это была пустая комната с шестью дверьми. Одна вела в спальню Ланарка, другая — в уборную, еще одна — в кухню, где жила квартирная хозяйка. Другие соединяли прихожую с пустыми комнатами, где сквозь провалы в потолке виднелся гигантский чердак, по которому гуляли сквозняки. Когда Ланарк распахнул дверь своей спальни, хозяйка крикнула из кухни:

- Это ты, Ланарк?
- Да, миссис Флек.
- Иди сюда, я тебе кое-что покажу.

Кухня была чистая, но очень заставленная. Там стояли кресла, буфет, оттертый до блеска белый стол, неуклюжая газовая плита, а над ней полки с горшками. Большую часть одной из стен занимал железный стеллаж; под окном помещались раковина и доска для сушки. Все горизонтальные поверхности были заполнены медными и фарфоровыми безделушками, а также бутылочками и банками с искусственными цветами — из пластика,

подкрашенного воска и бумаги. Еще в одной стене имелась ниша с кроватью, и рядом с нею стояла миссис Флек — невысокая женщина средних лет. Кивком подозвав Ланарка, она сказала строго:

— Посмотри!

Под стеганым одеялом лежали в ряд трое детишек с серьезными лицами и широко раскрытыми глазами. Это были худой мальчик и девочка лет восьми, а также пухлая малышка четырех-пяти лет. Ланарк узнал в них соседей по площадке. Он сказал:

— Привет, компания.

Старшие дети широко улыбнулись, младшая хихикнула и заслонила лицо руками, словно желая спрятаться. Миссис Флек проговорила сердито:

— Их мать, эта чертова кукла, исчезла.

— Исчезла? Куда это?

— Почему мне знать, куда исчезают люди? Минуту назад была, и вдруг ее не стало. Так вот, что мне делать? Я не могу оставить их без присмотра. Гляди, какие они маленькие! Но я не такая молоденькая, Ланарк, чтобы возиться с сосунками.

— Но ведь их мать, конечно, вернется?

— Она? Нет. Из тех, кто исчезает, когда гаснет свет, не возвращается никто.

— О чем это вы?

— Я стояла у раковины и мыла посуду, как вдруг погас свет. Это не был перебой с электроэнергией: фонари за окном продолжали гореть. Я подумала вначале: «Кто-то исчезнет, — а потом еще: — А что, если исчезну я?» Сердце бухало, как барабан, хотя с чего бы мне пугаться? Я ведь так устала, и спина болит, не утихает. Часто думаешь: вот бы исчезнуть, и дело с концом. Так или иначе, свет снова загорелся, и я пошла заглянуть в твою спальню. Я знала, что ты ушел, ну а если ты потихоньку вернулся и это случилось с тобой?

— Почему? — тревожно спросил Ланарк.

— Я говорила уже: откуда мне знать, почему люди исчезают.

— Если бы я находился в спальне и... и исчез, как бы вы об этом узнали?

— О, обычно бывает какой-нибудь знак. От моего последнего жильца остался ужасный разгром, одежда была раскидана по всей комнате, платяной шкаф опрокинут, с потолка осыпалась добрая половина штукатурки — ту комнату мне с тех пор так и не сдать. А эти крики! Просто жуть. Но ты, Ланарк, так себя не поведешь — в этом я не сомневаюсь. Ты человек тихий. Так или иначе, тебя не было, и я вышла на лестничную площадку. Дверь была открыта, я сунула голову внутрь и позвала: «Сьюзи!» Я с ней всегда обращалась дружески, даром что она была уличная девка и совсем не следила за детьми. Только и делала, что пихала им сладости, и вот результат. Открой рот! — скомандовала она младшей девочке.

Та послушно раскрыла рот, показывая на верхней и нижней десне ряд коричневых заостренных обломков с провалами между ними.

— Ты только посмотри! Едва-едва из пеленок, а ни одного здорового зуба во рту.

— А что произошло дальше? — спросил Ланарк.

— Я позвала «Сьюзи!», а детишки в ответ крикнули, что их мамочка исчезла. Так ведь?

Она уставилась на детей, которые энергично закивали.

— Ну вот, Ланарк, эта квартира — жуткая помойка. Настоящий хлев. Я не могла их там оставить, так? Я привела их сюда, отмыла и положила в постель, а теперь стираю их одежду. Но если уж я за вас взялась, то вы мне смотрите! — яростно рывкнула она детям. — Я вам не мамочка, потакать не стану!

Дети улыбнулись ей, младшая хихикнула.

Миссис Флек наклонилась над кроватью и, постанывая, стала подтыкать детям одеяло.

— Ох, Ланарк, видеть не могу этих поганцев!

Ланарк погрозил детям кулаком и начал строить такие уморительные грозные гримасы, что обратно в свою спальню он добирался под аккомпанемент веселых выкриков и хохота.

Спальня Ланарка была похожа на коридор с высоким потолком, дверью в одном конце и окном без занавесок в другом. Вдоль одной стены стояли стул, походная кровать и шкаф; обои и линолеум были коричневого цвета, ковра не было. О том, что

комната обитаема, свидетельствовал только небольшой рюкзак на верху шкафа. Ланарк стянул с себя одновременно пиджак и плащ и повесил их на крючок за дверь, потом улегся на кровать, подложив руки под голову. Усталость, как правило, заставляла его в конце концов раздеться и забраться под одеяло, но, страдая заболеванием, делавшим сон процессом малоприятным, он старался обычно подольше полежать и подумать о том, что пережил недавно.

Исчезновения случались. Погас свет, и не стало матери троих детей. Она была хорошо знакома Ланарку. Эта приветливая, вульгарно-привлекательная женщина частенько приводила в дом посторонних мужчин. Ланарк не находил причины, почему она должна была исчезнуть. Он выбросил это происшествие из головы и стал думать об «Элите». Теперь он пойдет туда не для того, чтобы сидеть на балконе: у него есть знакомые, которые его ждут. Эта мысль не приносила особого удовольствия. Клике Сладдена недоставало достоинства. Куда благородней — так ведь? — сидеть снаружи, наблюдать за небом и ждать света. Он вспомнил, как часто лишь делал вид, что наблюдает за небом, а сам хотел в тепло, поближе к хорошо одетым, привлекательным женщинам. «Признайся! — сказал он себе. — Ты смотрел на небо, потому что робел познакомиться с людьми».

Ему вспомнилась Рима, которая сидела с компанией, но держалась как будто особняком. Он подумал: «Нужно познакомиться с нею поближе. Что за досада: мог бы проводить ее домой, но вмешался треклятый рассвет!»

Он подумал о Сладдене. Подобно Риму, тот как будто отделил себя от страстей, бушевавших вокруг него. Любимый тремя женщинами, он хранил верность одной — Ланарк, пожалуй, видел в этом заслугу. Далее, у Сладдена были свои взгляды на жизнь, он предложил чем-нибудь заняться. Ланарк не хотел заниматься искусством, однако в нем росло стремление делать что-нибудь полезное, а писателю для начала всего-то и требовалось, что ручка и бумага. Кроме того, он имел представление о писательском труде, поскольку, блуждая по городу, посещал публичные библиотеки и прочел достаточно рассказов и пове-

стей, чтобы понять: все они делятся на два рода. Один — что-то вроде киносценария, где много действия и почти совсем нет мыслей. Другой — повествование о несчастном умном человеке (часто о самом авторе), который много думает, но почти ничего не делает. Согласно предположению Ланарка, хорошие авторы создавали преимущественно книги второго рода. Он подумал: «По словам Сладдена, чтобы выразить себя, мне нужно писать. Наверное, я мог бы сочинить историю о том, кто я и почему решил писать. Но есть одна трудность».

Им овладело беспокойство, и он принялся расхаживать по комнате.

Беспокоиться он начинал всякий раз, когда вставал вопрос о том, кто он есть.

— Какое имеет значение, кто я? — спросил он вслух. — Что мне в том, зачем я сюда пришел?

Он приблизился к окну и уперся лбом в стекло, надеясь, что холод прогонит затруднение. Однако произошло обратное. Окно выходило на квартал пустых строений, и разглядел он лишь темные очертания своего лица на туманном фоне комнаты. Он вспомнил другое окно, в котором не было видно ничего, кроме отражения. Его затопили отвращение и досада, сопровождавшиеся чувственными фантазиями о Риме.

Внезапно Ланарк подошел к шкафу и открыл единственный глубокий ящик внизу. Он был пуст, лишь на дне лежала побуревшая бумага. Ланарк сложил ее несколько раз и, аккуратно разрезав по сгибам, получил пачку листов в двадцать. Затем вынул ящик, поставил его на попа рядом со стулом, положил на ящик бумагу, достал из кармана куртки ручку, сел и четкими мелкими буквами вывел на первой странице:

Первое, что я помню, — это

Добавив еще несколько слов, он вычеркнул все написанное и начал заново. Эту процедуру он проделал четырежды, поскольку всякий раз у него в памяти всплывало событие более раннее, чем то, о котором он взялся повествовать. В конце кон-

цов он придумал подходящий зачин и заполнил, не отрываясь, тринадцать страниц, но, когда стал их перечитывать, обнаружилось, что добрая половина слов не содержит в себе смысла, а добавлена только ради лучшего звучания. Ланарк вычеркнул эти слова и переписал текст на оставшиеся листки бумаги, внося попутно поправки. Впервые — пока был в этом городе — ощутив настоящую усталость, он разделся до белья, скользнул под одеяло и заснул мертвецким сном.